

Военная кухня была крошечной. Мао Сяофэй заходил сюда накануне, и тогда Бао Юй проводил его в самом благодушном расположении духа, сияя от удовлетворения. На этот раз, едва завидя Мао Сяофэя, один из кашеваров сразу проводил его к начальнику.

— Можно воспользоваться вашей кухней?

Бао Юй не просто впустил его, но и великодушно позволил взять кое-какие продукты. В военном лагере изысков не водилось, да Мао Сяофэй и не собирался готовить ничего сложного: он лишь хотел приготовить нежную яичную кашку на пару и сварить разваристую рисовую кашу.

— Я подобрал тебе четырёх человек, — буднично произнёс Бао Юй.

Мао Сяофэй поначалу даже не понял, о чём речь, но тут же вспомнил про своё птицеводческое хозяйство и поспешил поблагодарить.

— Не стоит, — отмахнулся Бао Юй. — Вот разрастётся твоё дело — глядишь, и ребятам рацион разнообразим.

Мао Сяофэй поспешно закивал.

Пока он возился у очага, Бао Юй лениво подпирал плечом дверной косяк и наблюдал за ним. Узнав, что занемог маленький Фу Дун, он щедро отрезал кусок отварной заячьей лапы — нож в его руке молниеносно мелькнул, в два счёта искрошив мясо в мелкий фарш, — завернул в чистую тряпицу и протянул Мао Сяофэю, чтобы тот забрал с собой.

Проспав сутки напролёт, Фу Дун проголодался так, что у него подвёл живот. Набросившись на еду, он несколько раз закашлялся, и ему пришлось самому взять ложку и кормить его. У мальчика во рту всё ещё горчило от лекарств; он хмурился после каждой ложки, и лишь когда с кашей было покончено, его лицо наконец расслабилось.

Поев, ребёнок устроился на коленях у Мао Сяофэя. Силы быстро возвращались к нему, спать совсем не хотелось, и Мао Сяофэй принялся негромко рассказывать сказку. Мальчик лежал с широко открытыми глазами; взгляд его блуждал, словно мысли витали где-то далеко, но сонливости в нём не было.

— Дун-эр?

Должно быть, не привыкнув к новому ласковому имени, мальчик не отозвался, продолжая безучастно теревить ремешок на поясе Мао Сяофэя.

— Фу Дун? — позвал Мао Сяофэй снова.

Ребёнок по-прежнему не реагировал. Тогда Мао Сяофэй повысил голос чуть ли не вдвое, и только после этого Фу Дун моргнул и повернулся к нему.

Мао Сяофэй почуял неладное, но промолчал. Убаюкав мальчика, он вернулся к своим привычным делам — пошёл кормить птиц. После полудня из хижины донеслись испуганные бессвязные крики. Бросив работу, он кинулся внутрь и застал Фу Дуна сидящим на постели — тот замер, вытянувшись в струнку.

— Что случилось? Кошмар приснился? — Мао Сяофэй шагнул к кровати.

Лишь когда он подошёл совсем близко, Фу Дун вздрогнул всем телом. Он медленно повернул бледное лицо, покрытое крупными каплями холодного пота, а в следующий миг отчаянно бросился Мао Сяофэю на шею, намертво вцепившись в его пояс.

Мао Сяофэй принялся ласково гладить его по спине, тихо приговаривая:

— Ну-ну, не бойся. Чего пугаться глупых снов? Забыл разве? Это ведь ты спас нас с генералом Му из лап варваров. Ты же у меня маленький герой.

Маленькое тельце Фу Дуна напряглось, он покрепче прижался к Сяофэю, так и не решившись поднять голову. Мальчика всё ещё сильно била дрожь. Мао Сяофэй открыл было рот, чтобы снова его успокоить, как вдруг ребёнок прошептал:

— Папа... мне страшно. Поговори со мной. О чём угодно, просто говори...

Мао Сяофэй похолодел.

— Фу Дун?.. — потрясённо позвал он.

Пальцы мальчика мёртвой хваткой вцепились в его рукав — страх всё ещё не отпускал его.

Ледяная волна дурного предчувствия прокатилась по телу Мао Сяофэя. Собравшись с силами, он позвал мальчика ещё раз, на этот раз гораздо громче.

Напряжённые плечи Фу Дуна немного опустились. Он поднял бледное личико, заглядывая Сяофэю в глаза с неизбывной тоской, и обиженно надул губы:

— Я хочу сказку... Расскажи мне две сказки, папа, я тогда быстро усну...

Заметив, как переменялся в лице Мао Сяофэй, мальчик робко вжал голову в плечи и заискивающе предложил:

— Ну... или хотя бы одну. Про дочку правителя, которая полюбила нищего мальчишку...

Мао Сяофэй быстро взял себя в руки. Стараясь говорить как можно громче и отчётливее, он рассказал сказку. Дождавшись, пока мальчик крепко уснёт, он тихо выскользнул из комнаты и бессильно опустился на корточки у порога.

Солнце стояло в самом зените, нещадно паля землю.

Глаза неприятно резало от сухости. Мао Сяофэй устало закрыл лицо руками, с силой провёл ладонями по векам и попытался подняться. В этот миг голову сдавило тисками от бессонной ночи; земля ушла из-под ног, он покачнулся и рухнул в пыль.

— Сяо Фэй! — донёсся до него встревоженный окрик.

Чьи-то сильные руки подхватили его и помогли сесть. Кое-как совладав с кружащейся головой, Мао Сяофэй разглядел перед собой Сюй Ци. Немного придя в себя, он мягко высвободился из его рук и тяжело выдохнул:

— Сюй Ци... Это ты. Что-то случилось?

— А без дела мне и зайти к тебе нельзя? — с обидой проворчал Сюй Ци. — Не окажись я рядом, ты бы так и валялся здесь без чувств от истощения.

— Да нет же, просто равновесие потерял. Не так уж я и устал... Ночью глаз не сомкнул, сегодня лягу пораньше, а завтра буду как огурчик.

Лицо Мао Сяофэя было бледным как полотно. Сюй Ци вздохнул и усадил его на поваленное бревно неподалёку.

— С чего вдруг? Почему не спал-то?

— У Фу Дуна сильный жар был.

Сюй Ци сразу понял, что речь о том диковатом варварском мальчишке. Лицо его помрачнело.

— На кой чёрт ты вообще взвалил на себя эту обузу? — недовольно выговорил он. — Тут и без того служба не сахар, самим жрать нечего. В лагере Цинси снабжение никудышное, изо дня в день одни ячменные лепёшки жуём, вечно брюхо сводит, а ты ещё и делиться умудряешься. Сейчас-то он мал, ему крохи нужны, а подрастёт? К шести-семи годам зубы окрепнут, кашей не отделаешься. И что тогда делать будешь?

— К тому времени я уже уберусь отсюда и буду загребать золото лопатой, — попытался отшутиться Мао Сяофэй.

На душе у него скребли кошки. Он уже понял, что Фу Дун стал плохо слышать. Не то чтобы совсем оглох, нет, но чтобы докричаться до него, приходилось срывать голос. Разговор с Сюй Ци помог немного отвлечься от тяжёлых дум. Лицо Мао Сяофэя судорожно дёрнулось, сию секунду изобразить безмятежность, и он пристально посмотрел на приятеля:

— Так зачем пришёл-то?

— Говорю же, просто проведавать заглянул. Будить не хотел, да ты возьми и рухни прямо передо мной...

— Да не падал я в обморок.

— Ладно, ладно, оступился ты. Не спорю. В следующий раз принесу тебе каких-нибудь снадобий. Ах да, пятнадцатого числа из нашего лагеря новобранцев отправляют людей в город на закупки. Меня тоже приписали. Если нужно чего — скажи заранее, я куплю и доставлю в лучшем виде.

Мао Сяофэй вяло кивнул. Сюй Ци протянул руку, намереваясь ладонью коснуться его лба и проверить, нет ли жара, но Сяофэй резко уклонился.

— Со мной правда всё в порядке, — через силу улыбнулся он.

Сюй Ци неловко отдёргнул руку и кашлянул:

— Ну, как знаешь. Береги себя. Дня через два ещё загляну. Подумай, что привезти тебе или мальцу, и сразу выкладывай.

— Спасибо тебе, Сюй Ци.

— Да брось ты, свои же люди, оба из Шанци. Бывай!

Сюй Ци махнул рукой на прощание и зашагал прочь, меряя шагами собственную длинную тень.

Ближе к вечеру пришли обещанные Бао Юем люди — четверо новобранцев, а вместе с ними явились и те трое солдат, что раньше приглядывали за фазанами.

Собрав остатки сил, Мао Сяофэй устроил им подробный допрос: чем кормили птицу, сколько

раз в день задавали корм и когда именно те семь хохлаток начали чахнуть и поносить.

Судя по всему, птиц скосила птичья холера. Чтобы зараза не перекинулась на здоровых особей, Мао Сяофэй велел немедленно отсадить заболевших семь штук от оставшихся пяти.

— Вот яйца, которые они снесли. На вид обычные, но чёрт их знает, можно ли их пускать в пищу. От греха подальше разведите костёр где-нибудь в сторонке, сожгите их дотла, а золу присыпьте землёй, — устало напутствовал их Мао Сяофэй. К концу дня он вымотался до предела, к тому же из-за болезни Фу Дуна он не мог надолго отлучаться из лачуги рядом с птичником. Протянув лукошко с яйцами одному из парней, он добавил: — Выручи, братец.

— Да ладно тебе, старший брат, чай, не чужие люди, — добродушно хлопнул себя по груди парень. — Дело копеечное, всё сделаем в лучшем виде, не сомневайся!

Мао Сяофэй благодарно кивнул. Когда он провожал их за порог, небо на западе уже полыхало багровым закатом. Вскоре пришёл сам Бао Юй — принёс ужин и решил взглянуть на больного приёмыша.

— Малец-то ещё грудной почти, зубов-то нет, — сочувственно покачал головой повар. — Если захочешь опять суфле ему приготовить, приноси яйца мне. Я сварганю на кухне и притащу вместе с ужином, комар носа не подточит.

— Но ведь эти яйца положены только раненым воинам... — замаялся Мао Сяофэй.

— А твой малец сейчас, по-твоему, здоров как бык? Такой же раненый.

Мао Сяофэй подумал, что спорить тут не о чем. Доброта Бао Юя грела душу; иметь надёжного покровителя на полевой кухне для простого солдата, вечно прозябающего в голод, было поистине бесценным благом.

Ночью, когда Мао Сяофэй уже собирался тушить светильник, в раме окна мелькнул неподвижный силуэт. На кровати крепко спал Фу Дун: щёки его покраснелись, маленькая грудка ровно вздымалась, а ручки и ножки изредка вздрагивали во сне.

Тихонько поднявшись, Мао Сяофэй вышел наружу.

Подле птичника стоял Му Цаньшан. Высокий, статный, он прислонился спиной к бревенчатому столбу ограды, слегка согнув одну ногу в колене. В полумраке его точёный профиль казался безупречным.

— Зачем пришёл? — негромко спросил Мао Сяофэй.

— Слышал, малец твой разболелся, — отозвался Му Цаньшан. — Дела на сегодня кончились, вот и решил проведать.

Молодой генерал смерил Мао Сяофэя долгим взглядом сверху вниз и нежно коснулся пальцами его щеки.

То ли от непосильной усталости, то ли по иной причине, но Мао Сяофэй на этот раз не отстранился. Му Цаньшан, осмелев, мягко приподнял его за подбородок. В неверном отсвете далёкого костра он разглядел глубокие тёмные круги под глазами юноши. Сердце генерала болезненно сжалось; он склонился ниже и ласково коснулся лбом его лба.

В этот миг Мао Сяофэю не хотелось ни шевелиться, ни бороться. Лишь когда губы Му Цаньшана мягко коснулись его щеки, Сяофэй опомнился — но вместо того чтобы оттолкнуть его, он бессильно опустил голову на плечо генерала.

Это был первый раз, когда Мао Сяофэй сам потянулся к нему. Непривычное, щемящее чувство переполнило сердце Му Цаньшана. Он крепко обнял юношу за талию, прижимаясь губами к его виску, и тихо спросил:

— Что с тобой, хороший мой?

Мао Сяофэй замер, приникнув к чужой груди. И хотя широкая ладонь Му Цаньшана мерно поглаживала его спину, унимая тревогу, напряжение так и не покинуло его плечи.

— Из-за малого не спал всю ночь? — прошептал генерал. — Хочешь, я пришлю кого-нибудь посторожить его? А ты ступай ко мне в шатёр, выпишься как следует. Я сам твой сон охранять буду.

Сяофэй лишь безмолвно покачал головой. На плечо Му Цаньшана сквозь плотную ткань упало несколько горячих, тяжёлых капель.

— Всё хорошо... Возвращайся к себе, тебе спозаранку на учения, — Мао Сяофэй наконец отстранился. Смущённо покраснев, он отвёл взгляд. — И... спасибо за пропуск.

— К чему эти благодарности между нами? Если прижмёт — сразу иди ко мне. Я ведь обещал, что ты сам ко мне придёшь, по доброй воле. Скажи честно, в ту ночь, когда ты пришёл просить за мальчишку... думал, я воспользуюсь твоей бедой?

Мао Сяофэй опешил. Он ведь действительно шёл тогда к генералу, готовый отдать взамен собственное тело. Глядя сейчас на это мужественное, пышущее силой лицо, на котором играла непривычная лукавая усмешка, он почувствовал, как краска стыда заливаёт его с головы до пят.

— Вовсе нет, — буркнул он, пряча глаза.

— Низкие уловки не по мне, — мягко усмехнулся Му Цаньшан. — Я предпочитаю, чтобы всё шло своим чередом. Посланники из города Шаннань уже отправились в путь. Когда они вернутся с известиями, я позволю тебе самому решить — остаться со мной или уйти.

— Разве ты сам не говорил, что если начнётся война, в лагере не останется ни одного выходца из Шанци? — в горле у Мао Сяофэя пересохло, голос прозвучал глухо.

— В лагере — да, устав суров. Но в Цинси полно мирных переселенцев из Шанци, не станут же их вырезать поголовно. Если ты решишь остаться со мной, я найду выход, предоставь это мне, — Му Цаньшан отступил на шаг, пытаясь поймать взгляд юноши, но тот упорно смотрел под ноги. Генерал притворно-тяжело вздохнул: — Никогда ни за кем не ухаживал, ты у меня первый. Так что хорошенько подумай над моими словами. Ну вернёшься ты в Шанци, и что дальше? Кому ты там нужен, да ещё и с больным ребёнком на руках? Сяо Фэй, я не тороплю тебя. Пока послы доберутся до столицы, пока государь пришлёт ответный указ — пройдёт не меньше двух месяцев. За это время ты узнаешь меня получше, и твоё мнение наверняка изменится.

Договорив, Му Цаньшан развернулся и ушёл.

Мао Сяофэй всю ночь ворочался с боку на бок, терзаемый смутными думами, и забылся тревожным сном лишь пред рассветом. Проснувшись задолго до зари, он отправился на плац вместе с новобранцами. Помощник генерала Лю при виде него вытаращил глаза от удивления, однако высказывать недовольство или задирать юношу не решился.

Отбарабанив утренний бег, солдаты выстроились в очередь за похлёбкой. Сюй Цю, не видевший друга несколько дней, усадил Мао Сяофэя рядом с собой и заговорщицки зашептал на ухо:

— Старший брат Сяо Фэй, а этот помощник генерала Лю больше к тебе не лезет? Небось поджал хвост?

— Не знаю, — безразлично отозвался Мао Сяофэй, макая чёрствую лепёшку в жидкую рисовую жижу. — А что такое?

— Да весь лагерь только об этом и трубит! Генерал Му к тебе как к себе домой ходит, да ещё и Чжоу Цзи заставил притаскивать тебе свой личный завтрак. Колись, Старший брат Сяо Фэй, вы там у варваров делов наворотили? Только не говори, что ты скрытый мастер боевых искусств! Если так, не смей таиться от верного брата, — Сюй Цю уставился на него сияющими от восторга глазами.

— Да бог с тобой, у меня сил — только курицу связать, — рассмеялся Мао Сяофэй. — И откуда только берутся такие бредни?

— Ну и ладно! Даже если не мастер, всё равно, как выбьешься в люди да генерал сделает тебя помощником генерала — не забудь про меня, ладно? Я неприхотливый, мне много не надо, лишь бы сытно кормили, — Сюй Цю мечтательно погладил свой круглый живот. Свои две лепёшки он смёл в один миг.

— Договорились. Если доживу до этого счастья, — Мао Сяофэй поднялся на ноги и дружески похлопал товарища по плечу. — Ну, я пойду. Днём я тренируюсь отдельно, дел невпроворот, но на утреннее построение буду приходить обязательно.

Выслушав сбивчивый рассказ Мао Сяофэя, пожилой военный врач надолго задумался, поглаживая куцую козлиную бородку.

— Коли лихорадка долго держалась, она могла и на мозг пойти, а от того и слух страдает, — изрёк лекарь. — Однако гадать на кофейной гуще не стану, надобно мне самого больного осмотреть.

Мао Сяофэй согласно кивнул:

— У меня будет лишь одна просьба.

— Говори.

— Пожалуйста, при мальчике ни словом не упоминайте о глухоте. Скажите просто, что пришли проведать его. И... посмотрите заодно его рот, если не трудно.

Лекарь с пониманием кивнул и отправился за лекарственным сундучком. Мао Сяофэй присел на край узкой кушетки. В памяти его снова невольно всплыли те страшные дни, когда Фу Дун метался в жару. Поначалу он и думать не хотел о том, чтобы оставить этого волчонка себе. Мальчишка казался ему чудовищем — жестоким, бессердечным, способным без колебаний лишить жизни собственного приёмного отца. Сяофэй и представить не мог, что этот свирепый ребёнок выкажет такую преданность: когда его схватили и приговорили к мучительной казни, он не проронил ни звука, готовый принять любую кару, лишь бы не расставаться со своим спасителем.

Пока Мао Сяофэй не коснулся его, сердце его оставалось каменным. Но стоило ему прижать к себе это крошечное, беззащитное тельце, доверчиво затихшее в его объятиях, как от былой суровости не осталось и следа.

Ни одна живая душа в этом мире ещё никогда не нуждалась в нём так отчаянно. Мао Сяофэй понимал: без него этот ребёнок просто погибнет.